

Ц Е Н Т Р П О Л И Г Р А Ф

КРЕДИТ НА РЕВОЛЮЦИЮ

ПЛАН ПАРВУСА®

Утверждение, что имперское
правительство Германии
было заинтересовано
в распространении
восстания в России во время
Первой мировой войны,
теперь получило
документальное подтверждение

З . З е м а н , У . Ш а р л а у

Збинек Земан

**Кредит на революцию.
План Парвуса**

«Центрполиграф»

Земан З.

Кредит на революцию. План Парвуса / З. Земан —
«Центрполиграф»,

Александр Гельфанд в социалистических кругах был более известен под псевдонимом Парвус. Политический деятель иногда ловко преображался в политического дельца, и масштаб его интересов и влияния поражает воображение. Авторы в своем исследовании, основываясь на множестве документов, газетных и журнальных публикациях, архивных данных и авторитетных свидетельствах очевидцев событий, восстанавливают истинную картину жизни Гельфанда. Признанные исторические исполины оказались колоссами на глиняных ногах, а скрытный Парвус, оставаясь в тени, вершил судьбы империй.

Содержание

Введение	5
Глава 1	8
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Збинек Земан, Уинфред Шарлау Кредит на революцию. План Парвуса

Введение Загадочная натура

Примерно в 13 километрах западнее центра Берлина река Гавел, расширяясь, образует озеро Ванзее; Шваненвердер – меньший из двух островов, расположенных на озере. В XIX веке на острове началось строительство домов для богатых берлинских семей; между двумя мировыми войнами хозяева вилл еще пользовались услугами поваров и дворецких. Несколько больших домов осталось и поныне; их частные пристани опустели. Время от времени тишину безлюдного острова нарушают лодки с туристами, которые осматривают разрушенную виллу, принадлежавшую Иозефу Геббельсу. Но двенадцатью годами раньше того, как виллу на Шваненвердере приобрел гитлеровский министр пропаганды, на ней умер человек, ставший мишенью для злобных нападок нацистов. Это был Александр Израиль Гельфанд, который умер на своей роскошной вилле 12 декабря 1924 года.

Некрологи несколько приукрашивали его жизнь, чрезвычайно богатую событиями. Конрад Хениш, в то время министр культуры Пруссии, превозносил Парвуса (в социалистических кругах Гельфанд был больше известен под псевдонимом Парвус), называя его «самым талантливым во Втором интернационале»¹.

Либеральная газета Berliner Tageblatt назвала Гельфанда «информированным и умным человеком своего класса», который, находясь «на заднем плане, оказывал значительное влияние»².

Консервативная газета Kreuzzeitung видела в Гельфанде человека «бесхарактерного, легкомысленного, политического и делового проходимца». В некрологе в коммунистическом журнале бывший друг Гельфанда обнаружил резкий поворот в жизни покойного. Перед Первой мировой войной Гельфанд был мыслителем, влиятельным социалистом и революционером. А затем он продался; после августа 1914 года стал предателем рабочего класса, германским шовинистом, растленным военным спекулянтom³.

Карл Радек, известный советский публицист, в «Правде» назвал Гельфанда «предателем» и в то же время подчеркнул, что он был «одним из передовых революционных писателей в эпоху Второго интернационала»⁴.

После смерти Гельфанда его поразительная индивидуальность и уникальная роль, которую он сыграл в истории России и Германии в первые два десятилетия XX века, стали постепенно забываться. По общему признанию, беспокойные годы Веймарской республики, на смену которой пришли гитлеровская диктатура и следующая мировая война, как и условия, сложившиеся в Советском Союзе между двумя войнами, не способствовали беспристрастному изучению недавнего прошлого. Кроме того, было кое-что в деятельности Гельфанда, что отбивало охоту вспоминать и мешало наводить справки.

Немецкие социалисты периодически вспоминали о нем как о ведущем теоретике марксизма и блестящем журналисте. Историки, занимавшиеся восточной политикой Германии во время Первой мировой войны, знали, что Гельфанд был связан с имперским правительством

¹ *Парвус*. Ein Blatt der Erinnerung. Берлин, 1925. С. 5.

² Berliner Tageblatt. 1924. 13 декабря.

³ См.: *Цеткин К.* Коммунистический интернационал. 1925. Январь. № 1.

⁴ Правда. 1924. 14 декабря.

и выступал в качестве консультанта министерства иностранных дел Германии. Кроме того, выяснилось, что Гельфанд принимал участие в помощи революционному движению в России и играл определенную роль в истории с проездом Ленина в знаменитом «опломбированном вагоне» через Германию в апреле 1917 года. Однако политики и военные предпочитали хранить молчание об отношениях имперского правительства и революционного движения в России.

В воспоминаниях Бетман-Гольвега, Гельфериха, Людендорфа и Кюльмана ни разу не упоминается Гельфанд. Своего рода известность он снискал, став одним из основных объектов нацистской пропаганды. Богатый еврей и революционер-марксист, Гельфанд представлял идеальную мишень для людей, подобных Альфреду Розенбергу и Иозефу Геббельсу, которые отнесли его в разряд «ноябрьских преступников» – врагов немецкого народа, разрушивших имперскую Германию и открывших дорогу в Европу большевизму. В Советском Союзе Гельфанд был предан забвению. Сведения о нем появились в первом издании Советской энциклопедии, а из второго издания он уже исчез.

Изучение архивов министерства иностранных дел Германии после Второй мировой войны дало возможность, по крайней мере, частично расшифровать загадочную жизнь Гельфанда. В архиве имелось большое количество документов, имеющих к нему отношение. Он выступает в них как центральная фигура в тайных отношениях между имперским правительством и русской социал-демократической партией и, в частности, большевистской фракцией Ленина. Утверждение, что имперское правительство Германии было заинтересовано в распространении восстания в России во время войны, теперь получило документальное подтверждение⁵.

Исследование архивов министерства иностранных дел Германии заставило пересмотреть установившиеся представления о Первой мировой войне. Стало очевидно, что выработка политического курса в Берлине во время войны была гораздо более сложным процессом, чем принято считать. В то же время люди, которым приписывали историческую значимость, были низвергнуты с пьедесталов. Это относится к таким «исполинам», как Вильгельм II, Людендорф, Гинденбург. Теперь свои права на историческую известность заявили другие люди, к которым относится и Александр Гельфанд. Однако наши знания о его личности, целях и мотивах весьма отрывочны. Новая информация вызвала новые вопросы и привела к новым спорам. А загадка жизни Гельфанда так и осталась неразгаданной.

Гельфанд не одобрил бы мистификации, последовавшие после его смерти. В *Apologia pro vita sua* («Оправдание моей жизни»), выпущенной его издательством в Берлине весной 1918 года, он написал: «Мои работы – это вехи моей жизни; по ним можно проследить, что интересовало меня в то время, что заполняло мою жизнь»⁶.

Трудно представить более вводящую в заблуждение фразу! Работы Гельфанда только поверхность айсберга. Он был одержим стремлением к скрытности и предпочитал, чтобы его имя было окутано легендой. В последние годы жизни он делал все, чтобы достичь своей цели. История с книгой воспоминаний Филиппа Шейдемана *Der Zusammenbruch* проливает свет на то, каким образом действовал Гельфанд после войны. Шейдеман, лидер германских социал-демократов, написал книгу под руководством Гельфанда во время пребывания в его доме на Ванзее. Книга была напечатана с выходными данными издательства Гельфанда. И хотя Шейдеман был тесно связан с Гельфандом во время войны, в своих воспоминаниях он ни разу не упоминает о хозяине дома, в котором была написана эта книга.

Вскоре после смерти Гельфанда его сын вместе с друзьями отца обыскал виллу на Шваненвердере, но не нашел ни одного документа. По всей видимости, Гельфанд уничтожил доку-

⁵ См.: Земан З. Германия и революция в России 1915–1918. Лондон, 1958.

⁶ Парвус. В борьбе за справедливость. Берлин, 1918. С. 45.

менты перед своей смертью. Только после Второй мировой войны часть его деловых документов была обнаружена в Берлине. Значительная часть бумаг Гельфанда должна была находиться в Копенгагене. У молодого английского ученого, который не так давно работал в архиве в Копенгагене, создалось впечатление, что здесь тоже была проведена операция по уничтожению документов. Все это похоже на правду; скрытность была отличительным признаком деятельности Гельфанда.

Прошло более трех десятилетий после смерти Гельфанда, и, как выяснилось, его усилия помешать раскрытию тайных операций были не напрасны. Авторы этой книги часто убеждались, что пошли по ложному пути; герой, с присущей ему неуловимостью, испытывал их терпение. Однако авторы считают, что им удалось отчасти раскрыть тайну, которой так старался окутать себя Гельфанд.

Глава 1

Отъезд из России

В 1867 году – в год рождения Гельфанда – Европа оставалась влиятельным центром цивилизованного мира. Уже ходили поезда, но еще не было автомобилей. В столицах для освещения улиц использовался газ; на коротких расстояниях основным транспортным средством были лошади. Уже был известен телеграф, но еще не имелось телефона. В тот самый год появилась пишущая машинка, и Альфред Нобиль получил патент на изобретение динамита – нового взрывчатого вещества. В Вене Штраус услаждал своих преданных поклонников новым сочинением, вальсом «Дунайские волны», а в Лондоне Карл Маркс закончил первый том своего выдающегося произведения «Капитал».

Дальнейший курс развития основных политических событий в Европе был вполне предсказуем. Вскоре при Бисмарке закончилось объединение Германии, и новое государство было готово помериться силой с Францией. Австрия была вынуждена отойти от дел Италии и Германии, но вскоре нашла свой новый интерес на Балканах. Здесь быстро падало влияние Блистательной Порты (султанской Турции), и вставал вопрос, кто из двоих – Австрия или Россия – займет освободившееся место. Здесь, рано или поздно, должны были прийти в столкновение интересы двух этих держав.

В стране, где родился Гельфанд, Александр II, пришедший к власти после Крымской войны, продолжал заниматься внутренними делами государства. В России предпринятые им преобразования – отмена крепостного права в 1861 году и последовавшие за ней реформы местного самоуправления, то есть земская и городская, реформы судебная, военная, народного просвещения, цензуры и другие, сопровождались определенными трудностями. Как выяснилось, для проведения этих грандиозных реформ (так называемых Великих реформ Александра II) не было соответствующих средств и аппарата и, кроме того, имелось большое количество их противников и недоброжелателей. Реформаторское рвение царя не поколебало твердыню самодержавия. В эпоху, когда аполитичные массы были вынуждены вмешиваться в политические дела других европейских государств, когда западные соседи России, Германия и Австро-Венгрия, экспериментировали с конституциями, в России царило самодержавие и, естественно, не было и речи о конституции и парламенте. Страной управляли неэффективная бюрократия и коррумпированная полиция. В России безраздельно властвовало взяточничество. Вероятно, царь ожидал благодарности от подданных за изданные указы; в таком случае ему пришлось горько разочароваться. Покушение Каракозова на жизнь Александра II в апреле 1866 года положило конец эпохе реформирования.

«Революция сверху», как часто называют эпоху Великих реформ, привела к изменению радикализма. Александр Герцен и его поколение жили в многообещающей атмосфере пятидесятых – начала шестидесятых годов XIX века; они не видели смысла в насилии и революции. Теперь все изменилось. Хотя для молодых радикалов революция оставалась далекой, смутной целью (только Бакунин, находясь в изгнании, мечтал о ней и время от времени называл точную дату ее начала), терроризм стал признанным революционным методом. Последствия террористической деятельности были намного грандиознее реального количества террористов; первые жертвы привели к появлению первых мучеников революции. В 1881 году террористы убили царя. Его преемник, Александр III, не нашел ничего лучше, как отказаться продолжать политику предшественника. Под влиянием Победоносцева, главного советника царя, были похоронены планы на конституционное реформирование, ужесточилась цензура, усилилась полиция, был отменен либеральный университетский устав 1863 года. В этой обстановке

радикальные революционные теории вызвали особый интерес образованной молодежи России.

Вскоре еще одна группа, подобно молодым радикалам, должна была пройти по пути конфронтации с установившимся социальным порядком; этой группой были русские евреи. До убийства Александра II евреи относительно спокойно жили на западе и юго-западе России в черте оседлости. Время испытаний началось для них в 1881 году. Евреи страдали от дискриминационного законодательства сверху и от преследований снизу. Преследования допускались и даже поощрялись властями, поскольку отвлекали народ от истинных причин народных страданий. Слово «погром» пришло в английский язык в самом начале XX века; в России это слово наводило ужас примерно двадцатью годами ранее.

Сильные вспышки антисемитских настроений отмечались в России дважды: с 1881 по 1889 и с 1903 по 1906 год. Погромы развивались по одной схеме. Начавшись в одном месте, беспорядки распространялись подобно лавине; толпа методично прочесывала одну за другой еврейские улицы, не пропуская ни одного магазина, ни одной лавки. То, что нельзя было украсть, уничтожалось на месте. Погромы заставили множество евреев покинуть Восточную Европу. Массовое бегство на Запад, в лондонский Ист-Энд, в нью-йоркский Бронкс, в Палестину, начавшееся после первых погромов, вскоре сошло на нет. Поэтому неудивительно, что многие молодые евреи, оставшиеся в России, в конечном итоге присоединились к той или иной революционной группе.

Израиль Лазаревич Гельфанд, русский еврей, стал революционером. Он родился в местечке Березино Минской губернии, в небольшом городке примерно в 140 км к востоку от Вильно. Березино входило в северную часть черты оседлости, где евреи составляли более половины всего населения⁷.

Остальную часть населения составляли русские, литовцы, украинцы и поляки. Евреи жили обособленно; они не могли не только занимать политические посты, но для них были запрещены многие сферы деятельности. Традиционно евреи были торговцами или ремесленниками; они редко нанимали на службу неевреев и никогда не служили у людей других национальностей. Как правило, евреи были грамотными, но могли читать и писать только на иврите; они говорили на идише и плохо или совсем не знали русского языка. Торговля и браки с неевреями было единственным, что связывало их с внешним миром. Они жили исключительно прошлым, горячо обсуждая массовое бегство евреев из Египта, жертву Авраама, захват Ханаана. Им было намного приятнее вспоминать прошлое, чем думать и говорить о сером, унылом, зачастую опасном настоящем⁸.

Гельфанд родился 27 августа 1867 года в семье еврейского ремесленника. Нам мало известно о его происхождении, детстве и юности; сомнение вызывает даже точная дата рождения. Уехав из России, Гельфанд, заполняя анкеты в Швейцарии и Германии, в графе дата рождения писал 27 августа 1867 года. В тех же анкетах он записался как Гельфанд Александр (Израиль) и под этим именем фигурировал в полицейских досье ряда европейских стран.

Его отец был ремесленником, по всей видимости, слесарем или кузнецом. У нас есть единственное документальное воспоминание Гельфанда о детстве, связанное с пожаром в его родном городе:

«Часть города, в котором мы жили – а это был русский провинциальный город, – как-то вечером сгорела дотла. Поначалу я, маленький мальчик, ничего не знал о пожаре и продолжал играть в углу комнаты. Потом я заметил, что оконные стекла стали красивого красного цвета, и мне это очень понравилось. Внезапно распахнулась дверь, в комнату с испуганным лицом вбежала мама и, молча схватив меня за руку, выбежала из дома. Мама бежала по

⁷ Согласно переписи 1897 г. в Минской губернии проживало 90 879 человек, из них 49 957 евреев.

⁸ См.: *Эпштейн Негуда*. Мой путь с Востока на Запад. Штутгарт, 1929. С. 8.

улице и тащила меня за собой, а я ковылял за ней, чуть не падая, растерянный, ничего не понимающий, но не испытывавший страха, и удивленно смотрел на бегущих по улице людей. Они тащили матрацы, сундуки, какие-то предметы мебели. В вечерних сумерках стоял глухой гул. Мне хотелось оглянуться, но мама слишком быстро тащила меня вперед. Наконец мы выбежали на площадь, забитую вещами, мебелью. Там уже были некоторые наши вещи. Мама посадила меня на сваленные в кучу подушки и одеяла, строго приказав никуда не уходить. Но я и не собирался уходить; все произошло так внезапно, было столь необычно. Только что я играл в комнате и вот уже уютно устроился среди мягких подушек прямо на площади. Постепенно стемнело. Темноту разрезали колеблющиеся лучи ручных фонариков, словно блуждающие огоньки, то приближавшиеся, то исчезающие во тьме. Сначала появлялось красное пятно, которое постепенно увеличивалось в размерах, становилось все ярче, выхватывая из темноты фигуры людей, вещи, мебель. Беззвездное, черное небо, воют собаки. Но я чувствую себя в безопасности среди больших белых подушек и скоро засыпаю, не имея никакого понятия о несчастье, свалившемся на город»⁹.

Дом сгорел, и Гельфанды отправились в Одессу. Впереди был долгий путь; им пришлось пересечь всю Украину, прежде чем они добрались до портового города на Черном море. Семья отправилась в Одессу, скорее всего, потому, что в этом городе родился отец Гельфанда. Впоследствии в кругу друзей молодой Гельфанд с удовольствием вспоминал Одессу и своих предков, портовых грузчиков, славившихся своей физической силой и выносливостью.

В то время Одесса была одним из самых больших торговых центров Российской империи. Это был город порто-франко, вольная гавань. Русские, армяне, греки, евреи, турки, татары, персы яркой толпой текли по городским улицам вдоль торговых рядов, мастерских ремесленников, роскошных особняков богатых торговцев. Солнце, море, улыбающиеся одесситы – все это создавало праздничную атмосферу средиземноморского города. В этом городе было невозможно предаваться грусти и находиться в изоляции. Жизнь одесских евреев отличалась от жизни евреев в черте оседлости. Большинство из них говорили на русском и украинском языках. В этом черноморском городе многие евреи не считали нужным строго придерживаться своей веры. Среди них были богатые купцы, энергичные, полные жизни личности, ставшие героями коротких рассказов Исаака Бабея¹⁰.

Их главным достоинством была невероятная тяга к жизни; они понимали, что богатство приходит и уходит, а жизнь одна. Они испытывали одинаковое удовольствие и от риска, с каким вели дела, и от прибыли, получаемой в результате этих дел.

Хотя одесские евреи не испытали на себе весь ужас, который несла обезумевшая толпа, и погромы, начавшиеся после убийства Александра II, годы, проведенные молодым Гельфандом в портовом городе на Черном море, не прошли для него даром. Гельфанд ходил в местную гимназию и, кроме того, брал частные уроки по гуманитарным наукам перед поступлением в университет. Однако на его интеллектуальное развитие решающее влияние оказала не гимназия, а внешняя среда. Спустя много лет он вспоминал:

«Я мечтал под звездным небом Украины, слушал прибой на берегу Черного моря. В моей памяти переплелись украинские песни, сказки, истории ремесленников, каждое лето приезжавших к отцу из провинциальных городов Центральной России. Шевченко первым познакомил меня с идеей классовой борьбы. Я восхищался гайдамаками. Михайловский, Щедрин

⁹ Леман К. и Парвус. Голодающая Россия. Мюнхен, 1900. С. 172–173.

¹⁰ Бабель Исаак Эммануилович – русский писатель. Родился 1 (13) июля 1894 г. в Одессе, на Молдаванке, в семье торговца-еврея. Писать начал в пятнадцать лет. Он служил в Чрезвычайной комиссии, работал в качестве корреспондента газеты «Красный кавалерист», находился в Первой конной армии, участвовал в продовольственных экспедициях, состоял на службе в Наркомпросе, в Одесском губкоме, воевал на Румынском, Северном, Польском фронтах, был репортером тифлиских и петроградских газет. 15 мая 1939 г. Бабель был арестован и, обвиненный в «антисоветской заговорщической террористической деятельности», расстрелян 27 января 1940 г. (Примеч. пер)

и Успенский сыграли важную роль в моем интеллектуальном развитии. Книга Джона Стюарта Милля с примечаниями Чернышевского была первой прочитанной мной книгой по экономике»¹¹.

Это не преподавалось в русских школах; подобно многим молодым людям своего поколения Гельфанд сам овладевал необходимыми знаниями. Довольно удивительно, что о классовой борьбе он узнал из творчества украинского поэта Шевченко; гайдамаки, крестьяне и казаки, неоднократно восстававшие в XVIII веке против польского владычества, захватили его воображение. Его духовными наставниками, не считая Шевченко, были представители русской интеллигенции. Михайловский – русский философ и социолог, литературный критик, теоретик народничества, основатель субъективной социологии; Салтыков-Щедрин – писатель-сатирик, публицист, критик, высмеивавший бюрократию; Успенский – один из основателей террористической организации «Народная воля» в 1879 году¹². Именно благодаря им Гельфанд стал испытывать вполне обоснованное презрение к царизму. Кроме того, можно предположить, что на формирование его политической позиции немалое влияние оказало и то, что он был евреем.

Одновременно он столкнулся с первыми проблемами. Стоит ли заняться террористической деятельностью по примеру «Народной воли»? Организация быстро теряла авторитет; в ее ряды проникли агенты полиции. Некоторые радикалы уже стали сомневаться в политической эффективности террора. «Идите в народ», чтобы установить контакт между интеллигенцией и погрязшими в нищете народными массами, сделайте так, чтобы народ проникся революционными идеями. Гельфанда больше привлекал такой способ содействия революции.

В 1885 году он вместе со своим другом Шаргородским овладевал ремеслом и ближе знакомился с рабочими. Друзья прошли обучение у слесаря, а затем переходили из одной мастерской в другую. Народом, в который «пошли» Гельфанд с другом, были рабочие, а не крестьяне. Опыт, полученный за год, доказал Гельфанду ошибочность его романтического революционного энтузиазма; маловероятно, что Шаргородский, простой, невежественный молодой человек, прирожденный мятежник, мог оказать влияние на Гельфанда. Они были совершенно разными людьми, и вскоре их пути разошлись. Впоследствии Шаргородский стал социалистом-революционером. Современники считали его ничтожным журналистом. У него была большая семья; жили они в бедности, Шаргородский глушил себя алкоголем¹³.

В 1886 году в девятнадцатилетнем возрасте Гельфанд впервые уехал за границу, надеясь, как он писал, что «путешествие развеет мои политические сомнения»¹⁴.

Можно понять надежды молодого путешественника: в Россию не поступала большая часть революционной литературы, и многие известные революционеры жили за границей. Гельфанд поехал в Швейцарию; ее города, жившие размеренной, безмятежной жизнью, привлекали недовольных русских. Он с энтузиазмом приступил к чтению обнаруженных в Цюрихе революционных трудов, начав с первых книг Александра Герцена. Гельфанд, безусловно, увлекся чтением, но не чувствовал удовлетворения. Перед приездом в Швейцарию он провел год среди рабочих на юге России и теперь понял, что очень немного из того, что он прочел, подходит для просвещения русских рабочих. Он просмотрел всю революционную литературу, которую смог найти в Цюрихе, и понял, что «рабочим подойдет только «Хитрая механика» и брошюра Дикштейна»¹⁵.

«Хитрая механика» – поверхностная пропагандистская брошюра; использовалась в основном народниками. Название брошюры Дикштейна – «Кто чем живет» – говорило само

¹¹ Парвус. В борьбе за справедливость. С. 4–5.

¹² Это ошибка авторов: у Парвуса речь, несомненно, идет о писателе-народнике Глебе Ивановиче Успенском. (Примеч. ред.)

¹³ См.: Кон Ф. За пятьдесят лет. М., 1936. Т. 3. С. 254.

¹⁴ Парвус. В борьбе за справедливость. С. 5.

¹⁵ Парвус. В борьбе за справедливость. С. 5–6.

за себя. В первый приезд в Швейцарию Гельфанд жадно поглощал революционную литературу, однако чтение не смогло полностью развеять его сомнения. В действительности он еще больше запутался. Он проштудировал огромное количество литературы, отражавшей деятельность русской интеллигенции за прошедшие десятилетия. В литературе поднималось большое количество вопросов, на которые давалось множество сбивавших с толку ответов. В ней исследовались проблемы внутреннего развития России, ее будущего, места в мире; в качестве примера рассматривались многие сферы интеллектуальной деятельности.

В начале восьмидесятых годов XIX века марксизм вступил в соревнование за благосклонность русской интеллигенции. Хотя перевод первого тома «Капитала», сделанный Николаем Даниэльсоном, экономистом и одним из русских корреспондентов Маркса, появился в 1872 году, русский марксизм как движение возник лишь десятилетиями позже. В 1882 году, за год до смерти, Маркс написал предисловие к русскому переводу «Коммунистического манифеста» 1848 года, в котором сделал попытку дать ответ на вопрос о будущем развитии России. Он понимал, что крестьянская коммуна, форма примитивной коллективной собственности, – институт, на который многие русские писатели, включая Александра Герцена, возлагали большие надежды, – разрушается, но считал, что «если русская революция послужит сигналом для рабочего движения на Западе, так что оба движения объединятся, то крестьянско-земельная община может послужить исходной точкой для коммунистического развития России»¹⁶.

Однако для Маркса Россия была не отмеченной на карте территорией; его теории были применимы к высоко развитым в промышленном отношении государствам Западной Европы. Россия же вступала лишь в начальную стадию индустриального развития. Почему же марксистская теория оказалась столь привлекательной для значительного числа русских интеллигентов? Почему они усложняли свою и без того трудную жизнь теорией, не удовлетворяющей условиям, в которых находилась Россия? Прежде всего, марксизм был революционным учением. Хотя действенность революции как средства политического и социального развития вскоре была подвергнута сомнению даже социалистами на Западе, для русских радикалов революция оставалась единственной радужной перспективой. Кроме того, марксизм дал им «научное», исчерпывающее объяснение общественного строя. Это было авторитетное, даже пророческое учение; оно претендовало не только на беспристрастную оценку прошлого, но и делало заявку на будущее. Радикальная литература более раннего периода подготовила русскую интеллигенцию к восприятию марксистской теории. Кроме того, Маркс рассматривал тот тип общества, которое русские мечтали построить: «западники» предыдущего поколения, утверждавшие, что Россия должна следовать по пути развития западноевропейских государств, были интеллектуальными предшественниками русских марксистов. Используя учение Маркса, русские предвидели развитие страны, надеясь, что этот процесс создаст классические марксистские революционные условия.

В 1883 году Плеханов, уже три года находившийся в изгнании, приступил в своих работах к разъяснению марксистской доктрины. В том же году вместе с Верой Засулич, Павлом Аксельродом и Львом Дейчем он создал группу «Освобождение труда», первую марксистскую организацию. Когда примерно через три года после создания этой организации Гельфанд приехал в Цюрих, эта группа изгнанников привлекла его особое внимание. Позже он писал, что «программа, которая выдвигает классовую борьбу на передний план, заинтересовала меня»¹⁷.

В то же время он отметил, что «поскольку дело касалось России, то меня встревожил тот факт, что в программе Плеханова не было отведено места крестьянству; Россия, как бы то ни было, крестьянская страна». Гельфанд стал революционером-марксистом, однако его замечание относительно программы Плеханова свидетельствует о том, что в глубине души он

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие к русскому переводу Манифеста. Соч. Т. 19. С. 305.

¹⁷ Парвус. В борьбе за справедливость. С. 6.

испытывал определенное сомнение. Он должен был решить для себя вопрос: можно ли быть русским марксистом? Нет ли противоречия в подобном определении?

Из Швейцарии Гельфанд вернулся в Одессу, но пробыл там недолго. В 1887 году он опять покинул родину, но уже на более длительный срок. Спустя двенадцать лет он с коротким визитом побывал на родине; свою новую жизнь он строил за границей.

Вероятно, во время пребывания Гельфанда на родине между двумя поездками за границу в период с 1886 по 1887 год им заинтересовалась полиция, и поэтому ему пришлось покинуть Россию из соображений безопасности. Возвращаясь из первой поездки в Швейцарию, на границе Гельфанд подвергся досмотру, а его багаж перерыли на предмет провоза нелегальной литературы. Человек в штатском составил ему компанию до Одессы¹⁸.

В этот период он наверняка переживал духовный и личный кризис. Гораздо важнее проблем, связанных с революционными воззрениями, Гельфанда беспокоил вопрос его еврейского происхождения. В письмах более позднего периода он старался по мере возможности скрыть свое еврейство, никогда не упоминая, что значило быть евреем в России XIX века. Он наверняка был свидетелем погромов в Киеве и Одессе, самый пик которых пришелся на восьмидесятые годы, и это заставило его заняться поиском решения личных проблем. В России, как еврей, он всегда бы оставался человеком второго сорта.

Но город, в котором Гельфанд провел лучшие годы юности, оставил у него неизгладимые воспоминания. Благодаря космополитической атмосфере Одессы он получил некоторое представление о бесконечном разнообразии жизни; широкие горизонты означали больше, чем просто отсутствие физических барьеров. Одесса была восточным городом, в котором процветала торговля. Позже во время поездок Гельфанд редко пересекал Рейн; он вел бродячую жизнь, но в строго ограниченных пределах. Франция, Англия, Америка, жизнь и стремления народов этих стран оставались для него книгой за семью печатями. Гельфанд чувствовал себя как дома в Центральной Европе, на территории, ограниченной Санкт-Петербургом, Константинополем, Копенгагеном и Цюрихом. Когда он встал на путь, ведущий к богатству, то вел себя как обычный одесский купец; основой его финансового успеха стала торговля зерном на черноморском побережье.

Вернувшись в 1887 году в Швейцарию, Гельфанд, отбросив в сторону революционные интересы, занялся изучением политического и экономического развития западных стран. Он пишет о характерном случае, который произошел с ним вскоре по приезде в Швейцарию. Плеханов попросил Гельфанда написать статью о Белинском, литературном критике первой половины XIX века. Гельфанд отказался, поскольку, по его словам, был в то время «занят проблемами трудового законодательства и государственной монополии». Плеханов считал необходимым напомнить молодому человеку, что прежде всего он должен выполнить долг перед отечественной литературой. «Знаете что?

Вы должны чтить свою литературу», – возмущенно заявил Плеханов Гельфанду¹⁹.

Призыв к патриотическим чувствам не заставил дрогнуть сердце Гельфанда, он считал, что у него есть более важные дела, чем написание статей о русских литературных критиках. Гельфанд почувствовал желание отойти от жизни русских эмигрантов, которые вряд ли могли согласиться с его тогдашними настроениями. Он не стал обосновываться в одном из основных центров русской эмиграции, а постарался уехать подальше и осенью 1888 года поступил в Базельский университет. Атмосфера спокойного буржуазного города на Рейне способствовала его намерению заняться науками, и, за исключением летних каникул 1889 года, проведенных в Берне, Гельфанд за время учебы в университете не уезжал из Базеля.

¹⁸ См.: Леман К. и Парвус. Голодающая Россия. С. 12.

¹⁹ См.: Парвус. В борьбе за справедливость. С. 7.

Базельский университет не случайно привлек молодого Гельфанда. В нем преподавали Якоб Буркхардт, историк Ренессанса, Фридрих Ницше, профессор классической филологии, известный своей теорией о сверхчеловеке, Альфонс Тун, автор одной из первых работ о русском революционном движении. Но когда Гельфанд поступил в Базельский университет, профессор Бюхер в своих лекциях делал особый акцент на современность. До приезда в Базель он преподавал в Дерптском (Тартусском) университете. В Базельском университете он читал лекции по политэкономии. Он считал нужным связывать свой академический предмет с современными экономическими и политическими вопросами. Профессор делился с учениками своим журналистским опытом (Бюхер писал для *Frankfurter Zeitung*) и пытался привить им уважение к голым фактам и отвращение к пустому теоретизированию.

Бюхер оказал серьезное влияние на Гельфанда. Политическая экономия – главный предмет Гельфанда в Базельском университете – была необязательной академической дисциплиной. Консервативно настроенная часть университетских преподавателей не одобряла этот предмет, поскольку он «неблагоприятно воздействовал на тех, кто ни на йоту не отступает от буквы закона»²⁰.

Мнение консерваторов, возможно, повлияло на швейцарских студентов, но не возымело никакого действия на русских. На лекциях Бюхера шел разговор о вещах, глубоко затрагивающих русских студентов: фундаментальные принципы политической экономии, вопросы современного экономического развития, проблемы капитализма и социализма. Такая программа лекций целиком устраивала Гельфанда. Бюхер показал ему значимость точного статистического анализа; впоследствии марксизм Гельфанда всегда содержал некий эмпирический элемент. Маркс был для него скорее учителем, чем источником предвзятых мнений.

Годы учебы в Базельском университете не были для Гельфанда беззаботными. Знакомство с полицией и цензурой, погромами и террористическими организациями делало русских студентов невосприимчивыми к беспечности и наивности их более удачливых швейцарских сокурсников. Русские были наивными, но совсем в другом смысле. Они рассматривали учебу в качестве подготовительных курсов к революции; их не интересовала профессиональная подготовка, они не собирались становиться богатыми людьми. Один из современников Гельфанда заметил, что у швейцарских студентов все проблемы связаны с деньгами или сексом, с «бухгалтерией и браком»²¹.

У русских студентов не существовало подобных проблем. Большинство из них жили в крайней нищете; их не интересовала проблема буржуазного брака. У них не было надежды на упорядоченную жизнь, а если бы и была, то они сочли бы ее пресной и нудной по сравнению с главным делом... Русские студенты были заняты, по их мнению, более важными проблемами. Они вели нескончаемые, бессвязные беседы о будущем мира, месте России в этом мире, ее развитии. Мансарды домов в швейцарских университетских городах превратились в инкубаторы будущих революционных лидеров, которые стали нарушать покой буржуазного общества.

Гельфанд ничего не почерпнул у швейцарцев; ему подходил русский образ жизни, и до конца дней он сохранил стойкую неприязнь к буржуазным ценностям.

Он устранил все сомнения и получил ответы на все вопросы, мучившие его во время первой поездки в Швейцарию. Юный, романтический любитель гайдамаков стал превращаться, под влиянием Карла Маркса, в рационалистичного и «ученого» социалиста. Благодаря Марксу Гельфанд получил четкое представление о мире политики; колеблющегося сторонника «Народной воли» сменил уверенный в себе марксист.

²⁰ Бюхер К. *Lebenserinnerungen, 1847–1890* («Воспоминания о жизни»). Тюбинген, 1919. Т. 1. С. 325.

²¹ Брунбахер Ф. *60 Jahre Ketzler*. Цюрих, 1935. С. 53.

Недавно приобретенная им уверенность отразилась и в его теоретической работе. В осеннем триместре 1890 года он начал, по совету Бюхера, писать диссертацию по проблеме разделения труда²².

Таким образом, он получил возможность применить марксистскую методику в реальной части исследования. В течение шести месяцев он переносил свои размышления на бумагу. Историческая часть исследования была посвящена рассмотрению мнений известных экономистов по вопросу разделения труда. Гельфанд детально представил теории Адама Смита, Эдуарда Уэйкфилда, Джона Милля, но большую часть главы отвел рассмотрению мнения Маркса по интересующей проблеме. Концептуальная структура работы Гельфанда указывала на экономиста, который оказал на него огромное влияние: «подавление, или, пользуясь современным языком, эксплуатация масс рабов – есть основа разделения труда»²³.

Кроме того, идеи Маркса вдохновили студента, написавшего фразу, по его мнению, предлагающую способ ликвидировать ущерб от приближающегося разделения труда: «Имеются определенные факторы, которые противостоят этому пагубному явлению – главным образом, объединение рабочего класса и пробуждение классового сознания»²⁴.

Летом 1891 года, когда Гельфанд закончил работу над диссертацией, на его факультете произошло важное событие. Бюхер уехал в Карлсруэ, и его место занял профессор Козак из Цюрихского политехнического университета. Козаку не понравилось, что диссертация выдержана в строго марксистском духе, и он одобрил работу только после внесения ряда поправок. После этого Гельфанд с трудом сдал устный экзамен и 8 июля 1891 года получил степень доктора философии, сделав вывод, что Базельский университет является «научным», но не «социалистическим» институтом, а профессура если и обладает классовым сознанием, то никак не пролетарским.

В дальнейшем Александр Израиль Гельфанд, доктор философии, никогда не выносил свои марксистские работы на суд маститых академиков. С этого момента он писал только в расчете на европейский пролетариат, находя у него большее понимание, чем у буржуазных профессоров Базельского университета.

Теперь, окончив университет, Гельфанд, которому к тому времени исполнилось двадцать три года, должен был решить самый важный вопрос: должен ли он вернуться в Россию и оказать помощь в объединении рабочего класса, или следует остаться в Швейцарии с русскими эмигрантами? А может, он должен скрыть свое происхождение и присоединиться к одной из западноевропейских рабочих партий?

У него не было никакого желания возвращаться в Россию. Его раздражала отсталость и, по всей видимости, грубость русского народа. Гельфанд познакомился с Западной Европой и был потрясен материальными и интеллектуальными достижениями европейцев. Свою первую работу он написал на немецком языке; Германия была для него, как и для многих евреев с Востока, входными воротами в Западную Европу. Свое негативное отношение к России Гельфанд перенес на русских эмигрантов. Таким образом, вопрос о присоединении к одной из эмигрантских групп отпал сам собой. Гельфанд считал эмигрантов отмершим органом, оторванным от живого организма – народа. Эмигранты жили в призрачном мире, в котором теория заменяла действительность, а разговоры активную деятельность. По приезде в Швейцарию Гельфанд не случайно избегает традиционных центров расселения русской эмиграции (Женева, Цюрих и др.) и оседает в Базеле; с самого начала он чувствует настоятельную потребность жить в отрыве от русских эмигрантов. До конца жизни Гельфанд с недоверием относился к русской интеллигенции, оторванной от народных масс.

²² Название темы диссертации: «Техническая организация труда (кооперация и разделение труда)». (Примеч. пер.)

²³ Гельфанд И. Техническая организация труда (кооперация и разделение труда). Базель, 1891. С. 50.

²⁴ Гельфанд И. Техническая организация труда (кооперация и разделение труда). С. 72.

Само собой получилось, что у него не было иного выбора, как присоединиться к западно-европейскому рабочему классу. Он со всей серьезностью рассмотрел эту возможность, поняв, что может одновременно служить социализму и зарабатывать на жизнь. Как марксист, он понимал, что существует огромная разница между революционной борьбой в Западной Европе и в России; основной целью революции в России были конституционные и гражданские свободы, в то время как Западная Европа прошла эту стадию развития еще в 1848 году или, самое позднее, в 1871 году. Перед западными рабочими стояла задача уничтожения капитализма и установления социалистического общественного строя. По мнению Гельфанда, из всех западных стран Германия была ближе всех к социализму; самым организованным в Европе было немецкое рабочее движение. Гельфанд был убежден, что с Германии начнется мировая революция, которая освободит пролетариат во всем мире. Классовая борьба в Германии представлялась ему более важной, чем борьба с царизмом в России.

Александр Гельфанд был первым из эмигрантов, решившим продемонстрировать преданность и оказать полную поддержку социалистическому движению Западной Европы. Таким образом, он стал предшественником таких известных социалистов, как Роза Люксембург, Юлиан Мархлевский и Карл Радек в Германии, Шарль Рапапорт во Франции и Анжелика Балабанова в Италии, получившие известность перед началом Первой мировой войны. Ни один из его преемников не солидаризировался со своей партией в такой степени, как это делал Гельфанд.

Сразу надо сказать, что его разрыв с русским революционным движением был не столь резким, как Гельфанд старался представить это позднее. Хотя до начала XX века он не принимал непосредственного участия в движении, но поддерживал связи с русскими эмигрантами в Швейцарии, находясь в курсе происходящего в России. Возможно, он свысока смотрел на эмиграцию, добивавшуюся политических успехов, но всегда дорожил отношениями с русскими и польскими друзьями.

Плеханова он считал теоретиком, излишне академичным и тщеславным. Гораздо большее впечатление на Гельфанда производил Павел Борисович Аксельрод, самоотверженный, застенчивый человек. Гельфанд восхищался Верой Засулич, романтической героиней «Народной воли», нежно называвшей молодого Гельфанда «тюленем». Лев Дейч привлекал безрасудством и склонностью к авантюризму. Дейч придумал отличный способ побега из царских тюрем. Он был своего рода революционным Одиссеем, его изобретательность была сравнима только с его же жадой деятельности.

В Швейцарии Гельфанд познакомился с группой польских студентов, которым предстояло сыграть важную роль в истории европейского социализма. Юлиан Мархлевский, Роза Люксембург и Адольф Варшавский-Варский изучали в Цюрихе политическую экономию. Мархлевскому, позже взявшему псевдоним Карский, и Розе Люксембург было суждено сыграть заметную роль в жизни Гельфанда.

В конце лета 1891 года Гельфанд уехал из Базеля в Германию. Он принял решение поселиться в этой процветающей, многообещающей стране. Хотя, по его мнению, это решение было продиктовано единственной целью – примкнуть к немецкой социал-демократии. Гельфанд не испытывал никакой симпатии к консервативной, аристократической, абсолютистской части населения выбранной им страны, но, не задумываясь, собирался стать немецким социал-демократом. Являясь марксистом, он, вероятно, несколько преуменьшал национальный фактор, повлиявший на его решение. Позже он писал, что в борьбе пролетариата не имеет значения, русский ты или немец, борьба не признает «национальных и религиозных отличий», и добавлял, что «когда я изменил родине, то изменил и классу, к которому принадлежал буржуазии. С того момента я порвал с русской интеллигенцией»²⁵.

²⁵ Парвус. В борьбе за справедливость. С. 7.

Партия, в ряды которой вступил Гельфанд, существовала уже шестнадцать лет. Политика репрессий в отношении социалистического движения, проводимая Бисмарком в начале семидесятых годов XIX века, способствовала слиянию двух основных направлений немецкого социалистического движения. На Готском объединительном съезде в 1875 году так называемые лассальянцы (партия Лассалья, немарксистское движение) объединились с социал-демократами Либкнехта. В 1890 году антисоциалистические законы Бисмарка утратили силу; партии удалось удержаться на плаву. К тому моменту немецкий социализм приобрел характерные черты. Принадлежность к партии означала не просто соблюдение определенных правил и наличие политических убеждений – это был образ жизни. Социал-демократическая партия утверждала, что заботится о своих членах с рождения до смерти, а в ответ требовала безраздельной преданности. Подобное требование исходило от Прусского государства и католической церкви: трехсторонняя борьба была изматывающей, и напряженность не могла не отразиться на отношениях внутри партии. На партийном съезде Фольмара²⁶, лидера баварских социалистов, обвинили в непонимании значения борьбы рабочего класса, поскольку он был состоятельным человеком.

Обвинение в том, что член партии находится «на жалованье у государства», было серьезным и часто использовалось. Руководство социал-демократической партии в значительной степени состояло из представителей мелкой буржуазии, поэтому и в партии превалировали настроения и мораль этого класса. Все делалось только ради немецких рабочих; на словах партия лицемерно уверяла «международный братский пролетариат» в любви и уважении. На самом деле социал-демократы не испытывали особого интереса к внешней политике и событиям, происходящим за пределами Германии. Они были убежденными, весьма самоуверенными социалистами, но с ограниченным кругозором.

Первую остановку Гельфанд сделал в Штутгарте. В то время местная партийная организация занимала особое положение в социалистическом движении; она была отличной стартовой площадкой для продвижения по карьерной лестнице в имперской Германии. К молодому русскому отнеслись с большой симпатией. Господствующее положение в партийной организации Штутгарта занимали два видных социалиста: Карл Каутский и Клара Цеткин.

В наше время о Каутском не написано ни одного доброго слова. Его считают популяризатором идей, редко излагавшим собственные мысли. Он писал слишком много, слишком сухо и дидактически; Каутский, политик и писатель, отражал Каутского, мелкого буржуа, унылого патриарха, который, казалось, родился уже стариком. Но когда Гельфанд впервые встретился с ним, Каутский, как и Фридрих Энгельс, был ведущим идеологом европейского социализма. После смерти Энгельса Каутский, как его друг и наследник, достиг такого положения, которого потом смогли добиться лишь немногие социалисты. Он был непререкаемым авторитетом, своего рода оракулом приближающейся революции. У него были преданные поклонники в рабочей среде, и он оказывал серьезное влияние на молодых социалистов из интеллигенции. Каутский был редактором теоретического журнала германской социал-демократии *Neue Zeit* и большое внимание уделял талантливым журналистам. Он был приемным отцом и наставником целого поколения молодых европейских авторов и теоретиков социализма. Его дом был редакцией, университетом, школой журналистики, местом встречи для социалистов.

Каутский открыл Гельфанду путь в немецкую партию и журналистику. В конце 1891 года *Neue Zeit* опубликовал первые статьи Гельфанда, подписанные «Игнатъев» или «И.Г.»:

²⁶ Фольмар Георг фон – правый баварский социал-демократ, депутат рейхстага от Мюнхена. В 1879 г., в статье «Изолированное социалистическое государство», Фольмар выдвинул идею, что победа социализма возможна в отдельной стране. Фольмар в теории был ревизионистом типа Э. Бернштейна, а в своей практической деятельности сторонником политики компромиссов и соглашения с буржуазией. В своих двух речах, произнесенных в Мюнхене в июне и в июле 1891 г., Фольмар заявлял, что «в случае войны в Германии будет только одна партия, и мы, социал-демократы, будем не последними в исполнении долга». (Примеч. пер.)

обзор, очерк, посвященный теории капитала, прибыли и проценту Бем-Баверка²⁷, и статью о положении еврейских рабочих в России.

Клара Цеткин – еще один выдающийся член партийной организации Штутгарта – также оказала поддержку молодому Гельфанду. Эта язвительная, озлобленная суфражистка пыталась превзойти Каутского в проявлении сердечности. Цеткин возглавляла международное социалистическое женское движение и была редактором женского журнала немецкой социал-демократии *Die Gleichheit*. Гельфанд писал и для этого журнала.

Гонораров от статей едва хватало, чтобы покрыть ежедневные потребности. Вид у него, прямо скажем, был жалкий: брюки с обтрепанными обшлагами, стоптанные каблуки, засаленная кепка. Он выглядел как человек, живущий в крайней нищете. Тем не менее он произвел неизгладимое впечатление на немецких товарищей; для них он был экзотическим существом. Скрытое под жалкими тряпками массивное туловище держалось на коротких ногах; широкое лицо с высоким лбом казалось еще больше из-за залысин. Дети Карла Каутского называли русского друга отца «доктор слон»; своей массивной, несколько оплывшей фигурой он действительно напоминал слона. Он был человеком кипучей энергии и, когда говорил, постоянно размахивал руками, словно стараясь удержать равновесие.

К концу 1891 года Штутгарт стал слишком тесен для Гельфанда. Он решил уехать в Берлин, и Каутский дал ему необходимые рекомендации. Приезд в руководящий политический и торговый центр не улучшил его материального положения. Гельфанд снял дешевую комнату в рабочем районе в северной части Берлина. Он писал для ежедневной газеты *Vorwärts*, главного партийного органа социал-демократов, и пешком проходил несколько километров от дома до редакции газеты, чтобы отнести написанные статьи. Он не мог позволить себе ни доехать до редакции на трамвае, ни послать статьи по почте.

Но начало успешной журналистской карьеры было положено: все основные партийные газеты печатали его статьи. В 1892 году он получил заказ от *Vorwärts* на серию статей о голоде в России, которые принесли ему первый серьезный успех на ниве журналистики²⁸.

Немецкие товарищи были плохо осведомлены о том, что творится на международной арене. Суждения Гельфанда звучали убедительно, и немецкие социал-демократы безоговорочно соглашались с ними.

По мнению Гельфанда, голод в России был скорее не экстраординарным событием, а «застарелой хронической болезнью». Отмена крепостного рабства превратила Россию в производителя товаров, и теперь она переживала нелегкий переходный период от простых форм производства к сложным. Крестьянство являлось поставщиком рабочей силы для быстро развивающегося производства; место обедневшего крестьянства, все еще являвшегося поддержкой царского режима, постепенно занимала нарождавшаяся буржуазия. Нечего было надеяться, писал Гельфанд, что русская буржуазия встанет на путь политической борьбы; жизненно важной задачей этого класса стало личное обогащение, а это гарантировал только существующий строй. Пролетариат, сообщал Гельфанд своим читателям, единственная революционная сила в России.

До сих пор рассуждения Гельфанда совпадали с мнением Фридриха Энгельса и Георгия Плеханова, которые тоже интересовались причинами голода в России, но в своих выводах Гельфанд пошел дальше старших товарищей. Энгельс считал, что ослабевшая от голода Россия не будет представлять опасности для Европы. По мнению Плеханова, голод служил «прологом» к подъему рабочего движения в России. Гельфанд мыслил совсем другими категориями. Его не ввели в заблуждение временные трудности России. Он предсказывал быстрое развитие

²⁷ Бем – Баверк Эйген (Евгений) фон – один из основоположников австрийской школы экономической теории. Основные труды: «Основы теории ценности хозяйственных благ» (1886), «Капитал и прибыль» (1884–1889), «Теория Карла Маркса и ее критика» (1896). (Примеч. пер.)

²⁸ Четыре статьи под общим заголовком «Положение в России» были напечатаны в *Vorwärts* в июне 1892 г. (Примеч. пер.)

промышленности и сельского хозяйства. По его словам, через десять – пятнадцать лет страна должна была превратиться в процветающее капиталистическое государство. И тогда Россия и Америка вытеснят Европу с позиции экономической гегемонии. В результате соперничества в Германии возрастут цены на зерно; европейскому пролетариату следует готовиться к периоду ожесточенных споров о заработной плате.

В статьях Гельфанда о России содержалось два момента, которые позже стали ключевыми в его размышлениях: позиция Европы между двумя крупными капиталистическими державами, Россией и Соединенными Штатами, и отсутствие революционного энтузиазма среди русской буржуазии.

В послесловии к серии статей «Социал-демократия в России»²⁹ Гельфанд внес первый вклад в отношения между русскими и немецкими социалистами.

До этого момента немецкие социалисты считали народников воплощением прогрессивных сил России. Гельфанд продемонстрировал немецким товарищам ошибочность их выводов. Он критически относился к народникам, а марксистской группе «Освобождение труда» четко определил место среди европейских рабочих движений. Его аргументы произвели глубокое впечатление на немецкую партию. Статьи народников Лаврова и Русанова перестали появляться на страницах социал-демократической газеты *Vorwarts*, а в декабре 1892 года газета напечатала открытое письмо Плеханова Либкнехту. Впервые в этой газете появилось письмо, написанное русским марксистом.

Прусская полиция заинтересовалась молодым человеком еще до того, как его имя стало известно немецким социалистам. Велось наблюдение за его литературной деятельностью. В начале 1893 года его присутствие в столице показалось прусским чиновникам настолько опасным, что по приказу полиции Гельфанд был вынужден покинуть Берлин.

Пруссия была не единственным государством, где так отнеслись к Гельфанду.

²⁹ Статьи публиковались в *Vorwarts* с 23 сентября 1892 г.

Глава 2

Огромная удача

После отъезда из Берлина Гельфанд в течение двух лет вел жизнь странствующего социалиста-теоретика. Он ездил в Дрезден, Мюнхен, Лейпциг и Штутгарт, бывал наездами в Цюрихе, где жили его польские друзья, Мархлевский и Люксембург, всегда готовые выслушать его впечатления от поездок по Германии. Он много ездил, всегда налегке и только третьим классом.

Несмотря на бродячий образ жизни, его положение в немецкой партии было многообещающим. Гельфанд, дипломированный экономист, в отличие от немецких социалистов, обладал глубокими знаниями в отношении иностранных государств; он был писателем и журналистом, знал несколько языков, что давало ему возможность читать в оригинале интересующие его публикации. Он с легкостью размещал свои статьи в социалистической прессе; его аналитические очерки в *Neue Zeit* оценивались столь же высоко, как написанные им по заказу статьи в ежедневной прессе. Двадцатишестилетний автор произвел настолько благоприятное впечатление на Карла Каутского, что тот порекомендовал австрийским товарищам взять его в качестве корреспондента в свой центральный печатный орган – венский *Arbeiterzeitung*. В письме к Виктору Адлеру, признанному и неоспоримому вождю австрийской социал-демократии, Каутский писал:

«У нас здесь есть русский, доктор Гельфанд, который шесть лет провел в Германии, очень проницательный парень... внимательно следит за событиями, здравомыслящий... Он живет в Штутгарте, поскольку выслан из Берлина. Он очень хочет принять австрийское гражданство, чтобы иметь возможность открыто присоединиться к движению. После высылки из Берлина в Германии не стоит вопрос о его гражданстве. В его лице партия получит превосходного, грамотного сотрудника. Как вы расцениваете вопрос с получением гражданства?»³⁰

В письме к Адлеру Каутский упомянул о проблеме, занимавшей в то время Гельфанда: получение гражданства в Германии или Австрии. Гельфанду было не важно, получит он гражданство в Пруссии, Вюртемберге, Баварии или Австрии. Перед поездкой в Штутгарт он писал из Швейцарии Вильгельму Либкнехту, главному редактору *Vorwarts*: «Я ищу государство, где человек может задешево получить отечество»³¹.

Его излишне восторженное отношение к немецкой социал-демократии заставило переоценить влияние берлинской партии. Ему не только не дали гражданства, но и выслали из Пруссии. Переговоры в Вене, несмотря на вмешательство Виктора Адлера, потерпели фиаско. Еще одна попытка, сделанная на этот раз в Вюртемберге, окончилась неудачей. До Первой мировой войны Гельфанд фактически был беззащитен перед немецкой полицией. Наконец, в феврале 1916 года он стал гражданином Пруссии; в 1893 году молодой революционер едва ли мог предполагать, в каких условиях ему удастся получить гражданство.

Несмотря на неопределенность положения, Гельфанд активно участвовал в политических дискуссиях, проходивших в те годы в Германии. Его немецкие товарищи не раз удивлялись, как раскованно и самоуверенно он держался во время публичной полемики: он приобрел известность прямого, независимого молодого революционера.

В октябре 1893 года в *Neue Zeit* Гельфанд высказал мнение относительно выборов в прусский парламент. Немецкие социал-демократы, демонстрируя неодобрение прусской трехклассной избирательной системы, никогда не принимали участие в выборах. Перед выборами

³⁰ Адлер В. Переписка с Августом Бебелем и Карлом Каутским. Вена, 1954. С. 182.

³¹ Парвус. В борьбе за справедливость. С. 7.

1893 года, однако, прозвучали голоса, осудившие отношение социалистов к парламенту. Эдуард Бернштейн, живший в то время в изгнании в Лондоне, составлял вместе с Энгельсом и Каутским марксистский идеологический триумvirат. Обладая пытливым умом, Бернштейн был одним из наименее догматичных теоретиков партии. Он считал, что социалисты должны принять участие в предстоящих выборах в Пруссии, и особо подчеркнул, что неучастие в голосовании не является действенным политическим орудием. Социалисты должны отбросить недовольство, как сказал Бисмарк, «наихудшей из всех избирательных систем» и принять участие в выборах.

Предложение Бернштейна плохо восприняли в Германии. *Neue Zeit* и *Vorwärts* писали о «фатальной ошибке». Старая гвардия открыто высказывала свое неодобрение. Эта демонстрация сентиментальности не произвела впечатления ни на Гельфанда, ни на Бернштейна. Гельфанд, под псевдонимом Унус, выступил на страницах *Neue Zeit* в поддержку предложения Бернштейна. В статье он объяснял товарищам по партии важность парламента, осуществляющего контроль над судебной системой и финансами Прусского государства. Такой влиятельный институт, писал Гельфанд, находится во власти реакционных партий. Гельфанд понимал, что политическое влияние социалистической фракции будет незначительным, но социалисты смогут использовать парламент в качестве трибуны для ведения агитации. «Просвещения масс можно достигнуть с помощью активности, политической деятельности, социальной борьбы»³².

Гельфанд подчеркивал, что бездеятельность и осторожность весьма неподходящие средства для ведения классовой борьбы.

Немецкие социалисты, ознакомившись с нападками на установившийся порядок, ломали голову, кто стоит за псевдонимом Унус. Кто посмел поддержать еретические предложения Бернштейна после того, как партия пришла к единодушному мнению? Но прежде чем удалось выяснить имя автора статей, Гельфанд приготовил очередную мину.

Летом 1894 года в баварском парламенте социалисты во главе с Фольмаром решили поддержать предложения правительства относительно бюджета, в очередной раз оспаривая правильность партийных традиций: отказ от поддержки бюджета рассматривался как демонстративный вызов существующему строю.

Этот случай показался Гельфанду достаточно серьезным, и он обрушил град упреков на баварских товарищей. На этот раз он подписал статью псевдонимом Парвус, который сохранил потом до конца дней. С этого момента Гельфанда-Парвуса хвалили и осуждали, критиковали и восхищались им. После появления первой статьи немецкие социалисты поняли, что в будущем не смогут позволить себе игнорировать этого автора.

Тон, в каком была написана статья Гельфанда в *Neue Zeit*, потряс партию. «Ни одного человека и ни единого пфеннига, – заявил Гельфанд на вопрос о поддержке режима. – Поддержка бюджета равнозначна поддержке господствующего политического строя, поскольку именно бюджет дает средства для функционирования этого строя»³³.

По мнению Парвуса, выдвинутые предложения по бюджету должны были встретить противодействие со стороны партии; это было бы самым сильным «средством парламентской борьбы», имевшимся в распоряжении партии, наилучшим способом выражения оппозиционного мнения. Он не понимал, как это может быть, чтобы в теории поддержка бюджета была ошибочна, а на практике оправдана. «Если невозможно привести в соответствие теорию и практику, извлечь из теории практику... это верный признак того, что есть что-то неправильное и в теории, и в практике»³⁴.

³² Укус. Прусский ландтаг // *Neue Zeit*. 1893–1894. Т. 2. С. 44.

³³ Парвус. Keinen Mann und keinen Groschen, Einige Betrachtungen uber das bayerische Budget (Нет людей и нет денег. Некоторые соображения о баварском бюджете) // *Neue Zeit*. 1894–1895. Т. 1. С. 81.

³⁴ Парвус. Указ. соч. С. 86.

Эта статья Гельфанда вызвала дискуссии внутри социалистического движения, продолжавшиеся с перерывами до начала войны. Поддержка бюджета, даже с учетом существенных уступок со стороны правительства, означает компромисс с действующим режимом или только взаимные уступки обеих сторон? Оппортунизм это или политическое здравомыслие? Партия не могла найти ответ на эти вопросы, который устраивал бы все региональные отделения. Таким образом, Гельфанд вскрыл нарыв, не подлежавший излечению. Съезд партии, проходивший в 1894 году во Франкфурте, стал свидетелем первых принципиальных споров по этому вопросу, споров, не приводящих ни к каким результатам... Поскольку Гельфанд, не имея мандата, не мог присутствовать на съезде, Фриц Кундерт, делегат от избирателей Галле, взялся выступать от имени Гельфанда и подвергнуть критике действия Фольмара. Большинство делегатов предпочли занять нейтральную позицию, и съезд не принял никакого решения. Гельфанд не одержал победы, но сделал себе имя.

Бруно Шенланк, главный редактор *Leipziger Volkszeitung*, с большим интересом прочел статью Парвуса. Склонный к артистизму Шенланк симпатизировал людям необычным, отличавшимся экстравагантным поведением. Он разглядел в Гельфанде талант, необходимый возглавляемой им газете. Шенланк начал журналистскую революцию; довольно нудный, тяжеловесный по стилю орган социалистической агитации, каким был *Leipziger Volkszeitung*, Шенланк пытался превратить в современную ежедневную газету, незамедлительно реагирующую на происходящие события, вызывающую читательский интерес. Партия с ужасом отнеслась к подобному эксперименту, ведь Шенланк фактически вступал в соревнование с буржуазной прессой. Лишь спустя годы, когда лейпцигский эксперимент признают успешным, другие социалистические газеты последуют примеру Шенланка.

В начале 1895 года Шенланк убедился, что обрел в лице Гельфанда отличного сотрудника. Он пригласил молодого человека в Лейпциг на должность редактора *Volkszeitung*. Гельфанд не мог позволить себе отклонить предложение Шенланка: должность редактора в *Volkszeitung* обеспечивала ему положение, занимая которое он мог оказывать влияние на политику партии.

Шенланк не пожалел о принятом решении. Молодой иммигрант из России в скором времени доказал способности к журналистике. Статьи, которые он писал для *Volkszeitung*, звучали убедительно, содержали серьезный анализ политической обстановки; информация базировалась на достоверных фактах. Гельфанд нравился Шенланку не только как журналист, обладавший легким пером, но и как человек. Не наговорившись за день в редакции, Шенланк и Гельфанд обычно шли вечером в «Тюрингер хоф», где за стаканчиком вина засиживались до позднего вечера. Гельфанд всего себя отдавал работе. После бессонной ночи он рано утром уже сидел за рабочим столом, свежий и готовый к началу нового дня. В первые месяцы между Шенланком и Гельфандом установились почти идиллические отношения. В конце лета 1895 года различие мнений по принципиальному вопросу нарушило идиллию.

В 1894 году на партийном съезде Шенланк и Фольмар предложили сформировать комитет по созданию аграрной программы. Они считали, что социал-демократы должны заботиться об интересах мелкого крестьянства и вовлекать его в свою организацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.